

Р. О. Гутенберг

Повседневные аспекты праздничной культуры Таврического дворца в царствование Александра I

Производится историко-культурологический анализ повседневных аспектов праздничной культуры Таврического дворца в первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Таврический дворец, Александр I, маскарад, структуры повседневности

Roman O. Gutenberg

Everyday aspects of festive culture of Tauride Palace during reign of Alexander I

This article is a historical-cultural analysis of the everyday aspects of the festive culture of the Tauride Palace during the first quarter of the nineteenth century.

Keywords: Tauride Palace, Alexander I, masquerade, structures of everyday life

Светские придворные праздники России XVIII–XIX столетий в последнее время стали объектом пристального внимания ученых, представляющих различные гуманитарные дисциплины¹. Характерной особенностью данных исследований является изучение таких важных компонентов праздничной дворцовой культуры, как танец, музыка, костюм, бальный этикет и др. Обращение к этим составляющим праздника позволяет осмыслить его как полифункциональный культурный феномен, обладающий важным историческим и семиотическим значением. При этом следует обратить внимание на то, что исследование структуры повседневности придворных торжеств пока не являлось предметом специального историко-культурологического анализа. Видимо это объясняется тем, что праздник, как правило, «выносят» из сферы эмпирического, обыденного и рассматривают как нечто неординарное, выходящее за рамки привычного течения жизни. Однако результаты теоретического осмысления повседневности указывают на то, что «стереотипность и понятность человеческого бытия не тотальны. Они оставляют зазоры для своих противоположностей – исключительности, неопределенности, непонятности»². Придворный праздник в таком случае являет собой одну из «лакун повседневности», обладающей выраженной противоречивой сущностью. С одной стороны, он сохраняет свойственные ему возвышенные, своеобразные, неповседневные черты, с другой – в конкретных культурно-исторических условиях может восприниматься как явление привычное и ожидаемое: своего рода звено в цепочке каждодневных событий. Очевидно, что и в одном, и в другом случае праздник в процессе своей подготовки и реализации не лишен повседневных забот. Его воплощение требует соблюдения рутинных

правил и обычаев, сложившихся с учетом специфики жизни императорского двора и условий бытования дворцовых зданий.

Таким образом, в настоящей статье будет осуществлен анализ повседневных компонентов придворного праздника. В качестве объекта исследования выбран Таврический дворец как наименее изученный в этом отношении памятник.

Источниковую базу исследования составили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА). Несмотря на то, что в изученных документах сведения о подготовке и реализации придворных торжеств исследуемого периода представлены не равномерно, в целом они позволяют осуществить «прочтение» структур повседневности праздничной дворцовой культуры Петербурга.

За двадцать четыре года царствования Александра I в Таврическом дворце, вновь обретшем статус императорской резиденции лишь в 1802 г., состоялось только два масштабных торжественных мероприятия: это были маскарады с иллюминацией и фейерверком, прошедшие в 1809 и 1816 гг. В современной литературе высказывалось мнение о том, что в 1824 г. царская семья во дворце праздновала наступление Нового года³, но анализ официальных документов позволил установить, что запланированное торжество по неизвестным причинам так и не было осуществлено⁴. При этом следует отметить, что в архивных материалах наиболее подробно отражена подготовка именно последнего, несостоявшегося праздника. Собранные и сброшюрованные в несколько томов чиновниками документы являются основой для исследования почти всех организованных во дворце маскарадов. Использование этих данных для реконструкции более ранних торжеств совершенно оправдано,

так как подготовка последнего маскарада и фейерверка осуществлялась исходя из предшествующего опыта, который передавался не только от праздника к празднику, но и от одного царствования к другому. Подтверждением тому являются, например, сведения из официальной переписки князя А. Н. Голицына с «главноначальствующим» над Придворной конторой К. А. Нарышкиным, из которой следует, что Голицыну «Его Императорское Величество Высочайше повелеть <...> соизволил объявить Вашему превосходительству, чтобы Вы, прочитав журналы о бывших празднествах в Таврическом дворце во время пребывания здесь Его Величества Короля Прусского в 1816 г.⁵, поступили во всех приготовлениях к нынешнему празднику сообразно с теми распоряжениями, как тогда сделаны были <...>»⁶. Того же позднее требовал и Николай I, когда готовили торжества по случаю его коронации⁷.

Подготовка к балам, маскарадам и нередко сопутствующему им фейерверку осуществлялась от двух до четырех недель. Несмотря на то, что работу по их организации исполняли служащие нескольких ведомств: императорского Кабинета, Придворной конторы, Театральной дирекции; координатором всего процесса выступали чиновники Гоф-интендантской конторы. Это ведомство не только осуществляло строительство дворцовых столиц и ее пригородов, составлявших собственность императорской фамилии, но и проводило их ремонт, обеспечивало работу хозяйственного механизма зданий. Руководство конторы разрабатывало проект подготовки праздника, затем на его основе составляло смету и направляло эти документы на согласование императору. После утверждения плана и сметы Александр I давал указание своему Кабинету о выделении требуемой суммы. В некоторых случаях к вновь выделенным средствам добавляли те, что оставались после проведения других праздников, например в Петергофе. Для фиксации всех данных по мероприятию чиновникам рекомендовалось завести две книги – прихода и расхода. В одну следовало заносить сведения о потраченных на наем рабочих, питание и «прочие мелочи» деньгах; в другую – количество израсходованных материалов.

На начальном этапе подготовки приступали к декоративному оформлению залов. С этой целью из Театральной дирекции во дворец направлялись декоратор, машинист и мастер по гондербейстерской части. Общее наблюдение за этими работами осуществлял придворный архитектор. Специалисты дирекции, прежде всего, должны были подготовить «особую декорацию» в театре дворца, где собирались ужинать высочайшие особы, а также выбрать удобное место для оркестра и пригласить нужное количество

певчих и музыкантов. В свою очередь Придворная контора утверждала количество и величину буфетов, столов и посуды, а императорский Кабинет отвечал за доставку со стекольного завода цветных стекол, предназначенных для установки в помещения, где царская семья будет находиться во время фейерверка. Скамейки, специально обитые сукном, устанавливали таким образом, чтобы после окончания залпов их можно было быстро вынести и освободить место для прохода публики, следующей на ужин. Практическую часть этой работы выполняли мастеровые люди, прибывшие из Морского ведомства. Приблизительное количество рабочих, задействованных для оформления залов дворца, подготовки иллюминации и фейерверка, достигало 250 человек. В связи с большим объемом работ и спешностью их выполнения людей, временно размещенных в служебных постройках дворца, не отпускали домой «ни обедать, ни ужинать»⁸. Для поддержания сил им выплачивали «кормовые деньги на каждый день»: плотникам – 30 к.; позолотчикам – 1 р. В процессе работы отказались от золочения поталью и нанесению звездочек из английской жести на колонны, люстры и канделябры. Для «лучшего вида и большего блеска» украшения выполнили в виде лавровых венков из той же английской жести, а люстры вместо веревок подвесили на железные прутья и оформили жестяными шарами. Помимо этого на декоративные и архитектурные детали залов поместили маски, вазы, тирсы, венки, выполненные из дерева, жести, стекла и картона.

Безусловно, украшение помещений дворца, установка буфетов, выбор места для артистов, являлись лишь одним из «условий» повседневной программы праздника. Не менее важным было решение вопросов безопасности и жизнеобеспечения.

Использование для освещения залов и территории дворца открытого огня требовало при подготовке, и особенно в день маскарада, усиленных мер противопожарной безопасности. Во время иллюминации горели десятки тысяч свечей, наполненных маслом и салом плашек и шкаликов. За ними наблюдали около 400 служащих, обеспеченных лестницами, шестиками для зажигания, «гасительными трубками» и губками, смоченными водой. Находявшаяся в здании пожарная команда гоф-интендантского ведомства в день маскарада выполнялась на 40 человек за счет прибывших из Зимнего дворца и городской полиции людей. Полицейские чиновники также следили за противопожарной безопасностью около дворца: искры от огней фейерверка могли стать угрозой для находившихся рядом складов и магазинов. Таким образом, ответственные за предотвращение пожара люди несли свою службу до самого утра.

Можно сказать, что решение вопросов безопасности являлось одним из ключевых элементов в процессе организации и проведения праздника: на первом месте была забота о здоровье императорской семьи и столичных аристократов, на втором – сбережение ценного имущества. Недаром представлявшие немалую опасность утяжеленные украшениями бронзовые люстры подвергали специальному осмотру на предмет надежности проведенных сквозь перекрытие крюков. Во избежание выпадения из люстр свечей их установку рекомендовали производить «прямо и совместно»⁹. В целях предотвращения «потолков от сырости», или проще говоря, протечек, специально закупали у купцов большие корыта с последующей их установкой под крышей здания.

Психологический и физический комфорт гостей и хозяев дворца должны были обеспечить такие меры, как приготовленный винный спирт для протирки стекол, необходимый в том случае, если они будут запотевать во время фейерверка; для стабилизации температуры воздуха в перекрытиях залов здания и зимнего сада создавали люки, сквозь которые выводили трубы прямо на крышу здания. Также в проекте организации праздника особо говорилось об устройстве в удобном месте туалетных комнат для дам и кавалеров.

Накануне мероприятия проводили обязательную чистку полов и мыли стекла, предназначенные для фейерверка. Для «соблюдения большей экономии» уборку и вывоз снега в некоторых случаях возлагали на людей из «смирительного и работного домов»¹⁰. Затем уже в день праздника осуществляли посыпку дорожек Таврического сада песком и расставляли вдоль них на расстоянии двух метров друг от друга площадки с салом, необходимые для освещения. Тогда же для ночного дежурства во дворце формировались специальные команды полотеров, истопников, печников и трубочистов; дополнительно к штатному составу служащих и мастеров Таврического дворца приглашали лакеев, токарей, мраморщиков, скульпторов, фонарщиков, магазин-вахтеров, служивших в других резиденциях. При этом в каждом зале, где находились гости, постоянно присутствовали от 15 до 30 человек: чиновники, рабочие и матросы.

Когда все «приготовления» к празднику завершались, об их окончании доверенному лицу императора князю А. Н. Голицыну докладывал глава Гоф-интендантской конторы. На этом завершался один из этапов подготовки праздника – «хозяйственный». Параллельно и следом за ним Придворная контора осуществляла распространение билетов, а Гоф-интендантское ведомство разрабатывало схему проезда гостей к резиденции.

Прежде всего, от Придворной конторы главам ведомств поступал запрос о предоставлении сведе-

ний о находившихся под их началом чиновников, начиная с 6-го класса и выше с их женами и «возрастными» дочерьми. По личному распоряжению императора в билете обязательно указывалось имя владельца. Если по каким-либо причинам приглашенный не мог приехать на бал-маскарад, ему следовало обязательно, во избежание взыскания, вернуть свой билет начальству¹¹.

К билету обязательно прилагался один экземпляр объявления о «порядке приезда к Таврическому дворцу и особых для сего номеров», утвержденный и отпечатанный городской полицией. Согласно этому объявлению все гости должны были следовать на Литейный проспект, вдоль которого «на поворотах выставлены будут на столбах транспортные номера, по коим всякий увидит назначенную для приезда улицу того же номера какой при билете кто получил»¹². При повороте билет с номером проверял полицейский чиновник. После прибытия на маскарад хозяева покидали экипажи, а кучера выезжали за пределы Таврического сада и размещались на соседних улицах в специально отведенных местах. Кареты царской семьи оставались на территории сада.

В том случае если температура воздуха была слишком низкой, лакеям предоставлялось место, в зависимости от номеров, проставленных на билетах, в помещениях Артиллерийских казарм или коридорах дворца. Перед началом фейерверка, о котором возвещали предупредительные выстрелы: кучера, лакеи, форейторы, во-первых, обязаны были находиться рядом с каретами с целью «удержания лошадей», а во-вторых, для того чтобы не тратить время на поиски экипажа после окончания фейерверка. В связи с этими требованиями кучерам, лакеям и форейторам запрещалось находиться вместе с другими зрителями во время праздничного салюта.

Также следует отметить, что нахождение экипажей вблизи места проведения праздника являлось необязательным. По своему желанию они могли уезжать домой, но при условии вернуться обратно не позднее часа ночи, дабы избежать давки и столкновений с теми, кто решил покинуть территорию дворца. При этом полиция требовала «одной карете другую не обскакивать и ряду карет не перебивать»¹³.

Девять часов вечера – это традиционное время для начала придворных торжеств, среди которых маскарад занимал одно из центральных мест. Являясь важным компонентом праздничной культуры, он актуализировался в рамках принятого императорской семьей и руководством придворных ведомств этикета, принципы которого сложились еще в первой половине XVIII столетия. Вход на маскарад осуществлялся по именным билетам, проверяемым придворными гоф-фурьерами.

Обязательными условиями для пропуска во дворец были маскарадный костюм, без которого попасть в царскую резиденцию могли только служители; требование «снять маску», для того чтобы «не могли войти и такие, коим не должно быть»¹⁴, а также необходимость сдать сабли, стилеты и кинжалы во избежание покушений на жизнь высочайших особ. О первом госте, прибывшем на праздник, незамедлительно доносили императору. Помимо этого в тот же вечер в форме тайного доклада Александр I получал сведения о количестве находившихся на празднике представителей дворянства и купечества.

Маскарады Таврического дворца по числу посетителей не превышали подобные мероприятия, проходившие в центральной резиденции Петербурга – Зимнем дворце, где в некоторых случаях собиралось более 30 000 человек. Например, известно, что в 1816 г. по заказу Придворной конторы для праздника в Таврическом дворце было напечатано 17 400 билетов, из них: 9000 «на хоры»; 6000 «для маскарада»; 2400 «столовые».

Все гости могли присутствовать только на фейерверке. После его завершения на маскарад допускались лишь те, кто имел соответствующие пометки в приглашении, в данном случае это оставшиеся 8400 человек: большая часть из которых присутствовала на маскараде без последующего посещения ужина. Для таких гостей в залах дворца организовывали буфеты, где предлагали разнообразные напитки, фрукты, кондитерские изделия: пушш, лимонад, чай, кофе, мороженное и др.

Для оставшихся 2400 обладателей «столовых» билетов был обеспечен проход на вечерний ужин в покои членов царской семьи. Представители этой категории приглашенных, в свою очередь, подразделялись еще на две группы. Первые проходили в театр, где был накрыт стол для высочайших особ: таковых насчитывалось не более 250 человек. Остальные 2000 масок располагались в комнатах рядом с театром. После ужина развлечения и танцы продолжались обычно почти до трех часов ночи.

По окончании праздника его организаторы приступали к приведению залов дворца и его территории в прежнее состояние: снимали украшения, вывозили мусор, поновляли росписи и укрепляли при необходимости поврежденную штукатурку. Некоторые оставшиеся материалы и продукты в целях сокращения расходов продавали в частные руки¹⁵. Известны случаи, когда нарядное убранство находилось на своих местах «впредь до повеления <...> без уборки для любопытствующих, кои приезжать будут в экипажах»¹⁶; или, например, как произошло после отложенного в 1824 г. в Таври-

ческом дворце празднества, когда большую часть декоративных украшений не снимали вплоть до коронации императора Николая I.

Как правило, уже через несколько дней после маскарада главы придворных ведомств направляли императору именные списки принявших участие в его организации и заслуживающих награждения людей. Поощрение чиновников и рабочих было одним из завершающих действий в повседневной программе дворцовых торжеств.

В последующие царствования, сложившиеся в XVIII – начале XIX в., правила подготовки и проведения светских праздничных мероприятий, проводимых в петербургских императорских резиденциях, не претерпели существенных изменений. В основе этих правил лежал определенный порядок связанных между собой элементов: придворного этикета, личного мнения высочайших особ, ведомственной служебной практики. Представляется, что данные элементы следует рассматривать в качестве ключевых в структуре повседневности придворных праздников первой половины XIX столетия – периода, когда маскарадная культура страны достигла своего максимального развития.

Примечания

¹ Вискочков Л. В. Будни и праздники императорского двора. СПб.: Питер, 2012; Захарова О. Ю. Русский бал XVIII – начала XX в.: танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф, 2010; Колесникова А. В. Бал в России, XVIII – начало XX в. СПб.: Азбука-классика, 2005.

² Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность: философские загадки. Киев: Ника-Центр, 2006. С. 36.

³ Шуйский В. К. Таврический дворец. СПб.: Арт Деко, 2003. С. 71.

⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 2. Д. 67. 1824; Там же. Д. 71. 1825.

⁵ Вероятно, в данном в письме допущена ошибка, так как в 1816 г. маскарад в Таврическом дворце был устроен по случаю бракосочетания вел. кн. Анны Павловны и принца Вильгельма Оранского (РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 109. 1816. Л. 167), а в 1809 г. в связи с приездом в Россию прусской королевской фамилии (там же. Д. 97. 1809. Л. 29–31).

⁶ РГИА. Ф. 519. Оп. 6. Д. 386. 1823. Л. 12.

⁷ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 72. 1826. Л. 2 об.

⁸ Там же. Ф. 470. Оп. 2 (133/567). Д. 20. 1823–1826. Л. 155.

⁹ Там же. Д. 22. 1824. Л. 175 об.

¹⁰ Там же. Д. 20. 1823–1826. Л. 26 об.

¹¹ Там же. Ф. 519. Оп. 6. Д. 386. 1823. Л. 18.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 23. 1816. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 15 об.

¹⁴ Там же. Ф. 469. Оп. 2. Д. 56. 1816. Л. 7.

¹⁵ Там же. Ф. 519. Оп. 7. Д. 264. 1824. Л. 3.

¹⁶ Там же. Ф. 470. Оп. 2 (133/567). Д. 22. 1824. Л. 177 об.